

НИКОЛАЙ ДОРИЗО родился в 1923 году, что и определило возрастную причастность поэта к героическому фронтовому поколению. Впрочем, только ли возрастную?

Давайте же, чтобы ощутить в мирном сегодня далекую грозную страду, послушаем еще раз в голоса ее поэтов, в голоса, смолоду окрепшие в боях Великой Отечественной.

Сергей Орлов: «Его зарыли в шар земной, а был он лишь солдат. Всего, друзья, солдат простой, без званий и наград». Юлия Друнина: «Я только раз видала рукопожатий. Раз наяву — и сотни раз во сне. Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». Михаил Луконин: «В этом зареве ветровым выбор был небольшой. Но лучше прийти с пустым рукавом, чем с пустой душой». Михаил Львов: «Чтоб стать мужчиной, мало им родиться. Чтоб стать железом, мало быть рудой. Ты должен переплавиться. Разбиться. И как руда, пожертвовать собой».

И — Николай Доризо: «Гармонь сорок второго года, как мог, твой звук я повторил, как мог, письмо продолжил чье-то и чью-то грусть удочерил». Эти строки поэт обращает к собственной незатейливой, но когда-то широко звучавшей песне: «Любимая, далекая, дочурка черноокая...», к песне, как бы заново встреченной через годы, к песне, о которой и «сегодня письма пишут, как бы о девочке своей». И еще из Николая Доризо, однажды признавшегося с грустью, но с грустью особой — солдатской: «Война окончилась в Берлине, но не окончилась во мне»; еще из поэта, вспоминавшего почти уже тридцать весен спустя после победного мая в сорок пятом:

Мне двадцать лет.
Гремит трехтонка.
Со мною в кузове девочка,
Вонруг смертельная война.
Навстречу нам грохочут взрывы.
А я беспечный и счастливый...

Не грех, право же, лишней раз взглянуть и вслушаться в эту художественную структуру, в эту возбужденно пульсирующую ткань. На вещей, на глубинный смысл приведенных выше пяти стихотворных строк работают тут не только порядок слов и сами слова, но только тема и окрашивающее ее чувство, но и стиль: каждая фраза — всего лишь стих или даже полстиха. «А я беспечный и счастливый...» Еще бы не счастливый — молодой воин целым и невредимым астретил День Победы и, полный замыслов рассказать в стихах обо всем увиденном и пережитом, вернулся домой.

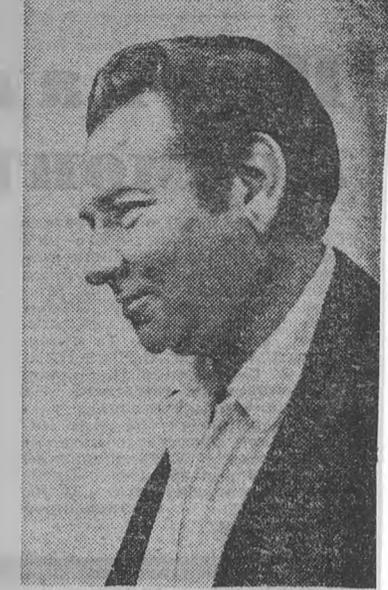
И было затем, было свершение многих из этих замыслов — взять хотя бы песни Николая Доризо, которые любят и помнит вся страна и которые стали незаменимым штрихом ее лирической биографии. Вот лишь несколько из них: «Песня о любви» («Жить без любви, быть может, просто, но как на свете без любви прожить?»), «У нас в общежитии свадьба...», «Помнишь, мама?..» («Помнишь, мама моя, как девочку чужую...»), «Огней так много золотых...», «Мужской разговор» («Ну что ж сказать, мой старший друг...»), «Вальс школьников-выпускников» («Ты надела праздничное платье...»), «Песня Рождина» («Почему ж ты мне не встретишься, юная, нежная...»), «Песенка молодых соседей» («Наши окна друг на друга смотрят вечером и днем...»), «Московские улочки» («Московские улочки, милые вы старики»).

Что и говорить, приносимая удачными песнями популярность — она всегда и на виду, и на слуху народа, хотя, как известно, есть еще и совсем иная, может статься, более значительная... Известный советский поэт Сергей Александрович Васильев вспоминал о том, как, прочитав в газете одно из стихотворений Николая Доризо, «не только его (стихотворение. — В. С.) запомнил, но и вырезал из газетной полосы, положил в паспорт и не один год хранил, как дорогую находку». И далее Сергей Васильев продолжал:

«...и Николаю Доризо подошел рабочий человек, шофер, работающий на дальних рейсах, и, узнав поэта в лицо, достал из кармана кожаный паспорт, в котором, рядом с фотографией жены и дочери находилась потерянный клочок бумаги. Это были стихи Доризо, напечатанные в «Правде» в 1962 году. Семь лет человек хранил в своем паспорте приглянувшиеся, запавшие в душу строки. Шофер, судя по всему, не был знатоком, искусным ценителем поэзии, не разбирался в тонкостях и хитростях поэтического ремесла. Почему же все-таки он столько времени не расставался с полюбившимися стихами? Да потому, что в стихах были сказаны его мысли, его чувства, его слова, которые жили в нем, которые он не мог высказать для себя так ясно и убедительно; это были заветные слова о нем самом и о его фронтовых однополчанах».

Сегодня время вспомнить тех солдат, — Во имя правды это сделать надо, — Отдавших жизнь свою за Сталинград И потому не знавших Волгограда.

Меня удивила похожесть ситуации: и в первом, и во втором случае стихи поэта оказались в паспорте читателя по причине того, что читатель не хотел с ними расставаться. Все это, вместе взятое, во многом отвечает на две стороны вопроса — в чем же секрет популярности?».

Согласитесь, что слова эти, размышления эти Сергея Васильева, которым от роду более уже десяти лет, тем не менее предстают сегодня как достаточно знаменательными, так и звучат вполне убедительно и злободневно.

Конечно, «секрет популярности» Николая Доризо затрагивает не только «две стороны вопроса» — он и в его многочисленных песнях, и в драматургических вещах, и в остроконфликтных прозаических произведениях. И, разумеется, в том, что одной из граней широкого дарования этого писателя является свойство или, если угодно, талант вдруг становиться и актером, и режиссером, и рассказчиком в одном лице, что столь сродни блистательному таланту Ираклия Андроникова. В этом плане у Николая Доризо существует свой, личный, ни у кого не заимствованный стиль театра комедийных миниатюр, пользующихся неизменным и заслуженным успехом в самых массовых слушательских аудиториях страны.

Все более остро ощущая время, все более точно узнавая ему цену, в последние годы поэт заметно стремится к краткости, а она, эта далеко не каждому дающаяся краткость, как говорят, — сестра таланта. Равно, впрочем, как и добрый, но от того не менее жгучий непокой — кровный брат его: «Я все время живу накануне чего-то — накануне строки, накануне полета, накануне любви, накануне удачи...». Время, именно время как герой каждого произведения поэта и страстный соавтор его не позволяет Николаю Доризо замыкаться в пространстве одного человеческого мира, заставляет вслушиваться в окружающий нас мир и в этой сложной реальности неожиданно — сквозь годы и годы — вдруг сопоставить сегодняшнее с давним, тоже становящимся от этого как бы явным сегодняшним: «Станица Ахтырская. Дом на горе. Два стареньких тополя рядышком. Неужто здесь бегала, в этом дворе, моя босоногая бабушка?» Или — еще более кратко — тоже о времени и тоже законченным стихотворением: «Никто не забыт и ничто не забыто — о дереве помнит кусок антрацита». Или — опять-таки о времени и опять самостоятельным четверостишием: «Ступени городского сада. Все те ж, что тридцать лет назад По ним я вниз сбегал когда-то, и — стало мне за пятьдесят».

Вниз сбегал когда-то — это, разумеется, воспринимается условно, ибо кто знает наверняка, где низ и верх вселенских пространств, в том числе и того, которое зовется литературной судьбой? Ну а что касается стихов поэта, хранившихся в паспортах шофера дальних рейсов и писателя Сергея Васильева, то этот факт получил свое

продолжение. Вслушайтесь только, как в стихотворении, посвященном летчику-космонавту СССР Андрияну Николаеву, восхищенно свидетельствует наш современник Николай Доризо о ярком витке своей биографии, счастливо вплавленном в великую биографию всей нашей страны:

О космосе.. В той далекой звездности
Я не был — грешный и земной.
Но — черт возьми! — летали в космосе
Стихи, написанные мной.
Их Николаев взял в ракету,
Чтоб на досуге почитать,
И дести с лишним раз планету
Им выпал жребий облетать.
На миг явившись и нам по вызову,
Он томил мой по телевизору
Земному шару по показу.

Информационность этих откровенных строк могла бы обернуться излишней патетичностью, когда бы не добродушная усмешка, ощущаемая в них: «Чтоб на досуге почитать» — уж мы-то знаем, какой досуг у космонавтов, находящихся на орбите. Хорошо знает это и Николай Доризо, знает на собственном опыте как поэт, не теряющий своей высоты, своей орбиты, своего беспокойства. Не теряющий, но признающийся, что ему «всегда не хватает минуты», а между тем: «В лихорадочной этой погоне гаснут запахи, звуки, цвета. И Толстого крестьянские кони обгоняют мои поезда».

Это смелая и честная самооценка, на которую способен лишь pristine талантливый и умеющий любить человек. Умеющий любить искусство, жизнь, женщину. Умеющий в такой любви стать исповедальным: «Кем был я, кем я был без рук твоих? Черновиком был, глиной был слепой, один мазок, один твой легкий штрих — и наконец я стал самим собою. Все отошло, что мне мutilo кровь. Нет от меня вчерашнего ни голоса, ни жеста. Спросите: что такое есть любовь? Я вам отвечу: жажда совершенства».

С этим дерзостным выводом трудно не согласиться, ибо, на мой взгляд, именно любовь как жажда совершенства, вызвав к существованию строки о крестьянских конях Толстого и современных поездах, заставляла и заставляет Николая Доризо вообще довольно часто варьировать тему художественного творчества. Хочу подчеркнуть, что тема эта — тема творчества и вдохновения — в наши дни повсеместно становится своей, личной, обязательной для людей самых еще недавно будничных профессий. И, возможно, с учетом этого поэт на одном почти выдохе, не рифмуя строк и не ограничивая их рамками строгого размера, задает миру вопрос, чтобы тут же самому и ответить на него: «Чем же отличается ге-

ниальный поэт от бездарного? В жизни гениального поэта бывает такая минута, когда он чувствует себя бездарным, в жизни бездарного поэта такой минуты никогда не бывает».

«Всегда не хватает минуты...»; «Бывает такая минута...»; «И — стало мне за пятьдесят...» А может быть, секрет популярности Николая Доризо и кроется как раз в этом обостренном, в этом все подчиняющем себе чувстве времени? Воспоминания о минувшем с годами не становятся слабее и расплывчатее: «Когда почти что весь рейхстаг мы с боя взяли, когда, как в преисподней, враг засел в подвале, фашисты здание подожгли, чтоб стерло пламя хотя б на день с лица земли Победы Знамя». Эти обжигающие достоверностью строки, написанные много лет спустя после войны, волшебным, чудодейственным свойством времени приближены своим рождением к рождению иных, дышащих красочностью и почтительной благодарностью строк поэта об «украинском древнем предке», которого ощущает в себе лирический герой стихотворения. Ощущает так, словно бы вся издревле щедрая и хлебосольная станица Ахтырская говорит с нами голосом Николая Доризо — густым и добрым голосом, поигрывающим интонациями народного юмора: «Люблю кубанский знойный борщ с томатом, с перцем и с морковью. И аромат его, и мощь полезны моему здоровью. Могу прожить сто с лишним лет, сто с лишним лет — и это мало, вот только бы начать обед с него и с розового сала».

Есть у Доризо такие строки: «Доброта порою как лосенок, что забрел доверчиво в поселок. Смотрит, улыбается народ». Эти строки, конечно, не просто о беззащитном звереныше. Они, если вдуматься, и о времени — о том самом времени, чей непрерывный контакт с человеческим сердцем подметил и лирически выразил поэт:

Минуты мчатся по орбитам,
Мал циферблат сегодня им.
И эта скорость стала бытом,
Сердцебиением моим.

Минуты, скорость, сердцебиение — такой ряд слов, а следовательно, и понятий, давно уже стал привычным. Но вот в поэтическую ткань произведения бесстрашно вводится слово «быт» в его новом, возвышенном, я бы сказал, в его советском значении. Изменить отношение к слову, к мгновению, к себе самому — в этом, я уверен, секрет популярности Николая Доризо, которому в эти дни исполняется 60 лет, секрет признания его как писателя.

Владимир САВЕЛЬЕВ